

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ конторѣ редакціи, на Эриванской площади, въ домѣ Харазова, № 3, въ Тифлисѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 9 до 2 и отъ 5 до 7 часовъ вечера.

Цена отдельнаго номера 20 к.

Ф А Л А Н Г А

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

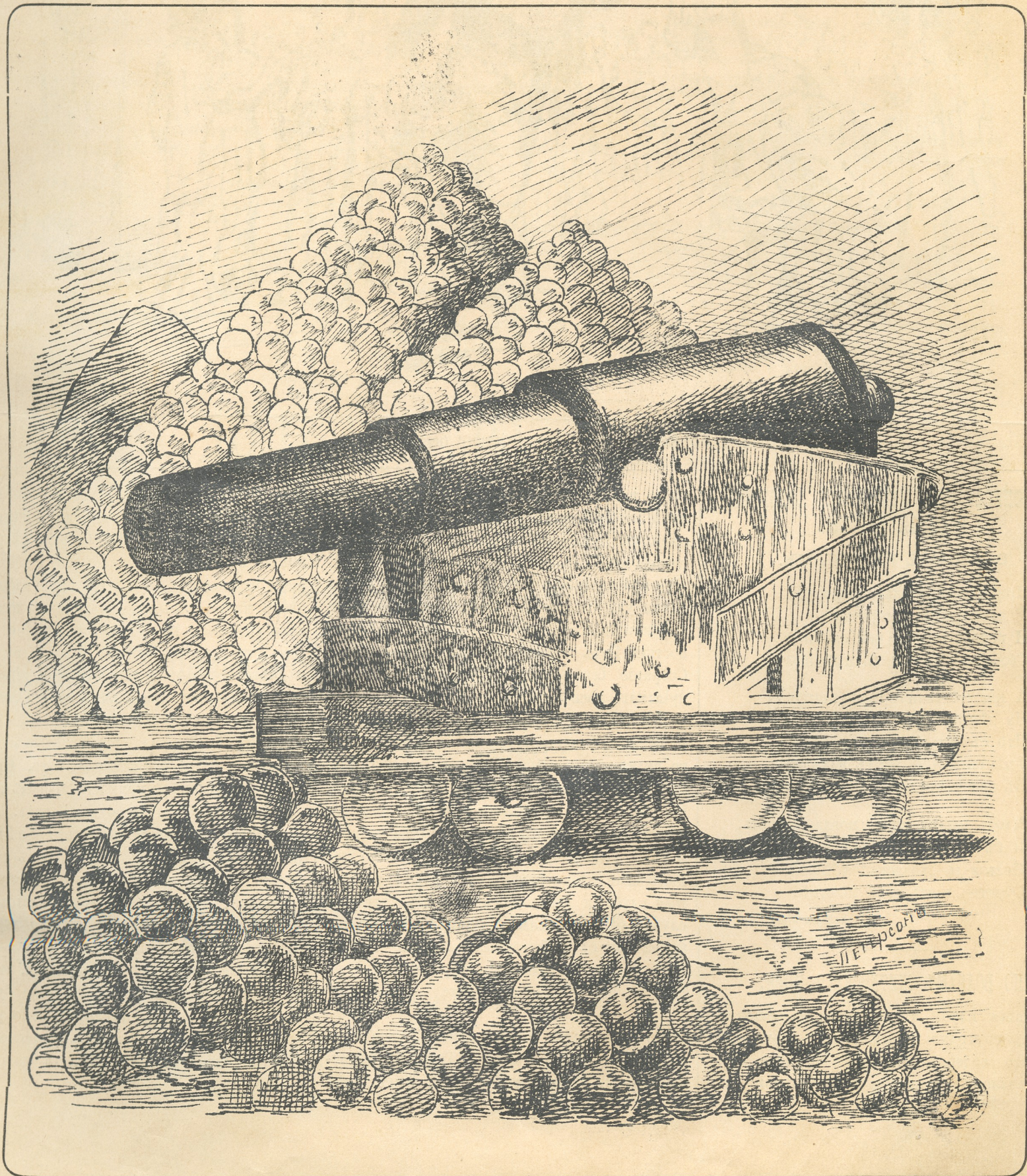
УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою на домъ:

На 1 годъ	8 р.	— к.
„ 6 мѣсяцевъ	4 „	50 „
„ 3 мѣсяца	2 „	50 „

Съ разсылкою по Имперіи:

На 1 годъ	8 р.	50 к.
„ 6 мѣсяцевъ	5 „	— „
„ 3 мѣсяца	2 „	75 „

ВЪ МАСКАРАДЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА.

— Не правда ли, я хорошо сдѣлала, что надѣла костюмъ безъ маски?
— Вы сдѣлали бы еще лучше, надѣвъ маску безъ костюма.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИЗМѢНЕНИИ ПОЛОЖЕНІЯ
РУССКОЙ ПРЕССЫ.

ВОЗЗВАНІЕ КЪ БОГАМЪ.

При предварительной цензурѣ
У насъ везло литературѣ
И нецензурно въ ней сквозилъ
Свободной мысли вѣчный пылъ.

А нынче? Нынче самъ писатель
На дѣлѣ убѣдиться могъ,—
Что сбузвить мысль и сгладить слогъ
Умѣсть лучше всѣхъ издатель,
Въ казну представившій залогъ.

Чтобъ пресса вновь могла-бы жить,
Я къ вамъ взываю, къ вамъ, о Боги:
Нельзя-ль „хозяевъ“ убѣдить—
Обратно взять свои залогѣ!

Иванъ-да-Марья.

ПО ВОЛНАМЪ ЖИТЕЙСКАГО МОРЯ.

...Наши клубы съ примѣрною аккуратностью ежегодно дарятъ насъ картинками веселаго содержанія. Легкіе скандальчики, какъ оазисы украшаютъ однообразную цус-

твю нашего монотоннаго общежитія и въ видѣ необходимыхъ, постоянныхъ и неизмѣняемыхъ пунктовъ вкрались въ программу нашей клубной общественной дѣятельности. Съ присутствіемъ этихъ пунктовъ мы всѣ давно уже не только помирились, но даже осѣнили таковыя особою нашею привязанностью. Годъ безъ скандала, годовое Общее Собраніе безъ „веселаго случая“ или же пріятнаго воспоминанія о таковомъ, являются событиями уродливыми, выходящими изъ ряда вопъ и оставляющими въ душѣ какое-то смутное, ворчливое неудовольствіе. При такихъ съ незапамятныхъ временъ укоренившихся и не нами установленныхъ условіяхъ мы не понимаемъ какъ никому еще не пришло въ голову обязательное устройство легкихъ скандаловъ ввести въ приходо-расходныя клубныя смѣты. Расходъ въ данномъ случаѣ былъ бы самый ничтожный, а дань, взимаемая съ любопытныхъ „гостей“ навѣрно дала бы кругленькую цифру дохода.

Въ настоящемъ сезонѣ первый выполнилъ эту увеселительную задачу „Тифлиссій Кружокъ“—это юное, но отцвѣтшее созданіе,

какъ его назвали въ фельетонѣ одной изъ мѣстныхъ газетъ. 15 декабря по обыкновенію состоялось годовичное Общее Собраніе съ празднованіемъ годовщины дня возникновенія нашего чиновнаго клуба. Публики набралось очень много, такъ какъ въ воздухѣ носились хотя смутные, но обольстительные слухи о томъ, что „что то будетъ“. Явились въ клубъ и дамы, которыя со дня сотворенія міра всегда любили быть зрительницами доблестныхъ турнировъ и свидѣтельницами ломанія кошіи. Дежурный старшина прочелъ отчетъ о дѣятельности клуба за истекшій годъ. Предсѣдатель ревизіонной коммисіи прочелъ приходо-расходную смѣту на будущій годъ. Дежурный старшина поблагодарилъ предсѣдателя ревизіонной коммисіи. Предсѣдатель ревизіонной коммисіи поблагодарилъ дежурнаго старшину. Общее Собраніе поблагодарило ихъ обоихъ. Все шло на столько хорошо, благородно, что называется „безъ зацѣпини“, что многіе уже начали беспокоиться, что можетъ быть „чего то“ совсѣмъ не будетъ. Но... изъ устъ предсѣдательствующаго раздалось многообъщающее слово... протоколъ... Онъ нашелъ нужнымъ прочесть, какой то протоколъ...

Всѣ встрепенулись, но уви... нѣтъ!... Это оказалось не то... это оказался самый обыкновенный протоколъ комиссіи, которой поручено было устроить праздникъ въ честь Пушкина и которая составила этотъ протоколъ о томъ, что праздника она не устроила. Изъ протокола всѣ узнали, что причиною того, что праздникъ не „устроился“ явился отъѣздъ г. А. И. Пальма изъ Тифлиса. Въ населеніи же „Кружка“, помимо г. Пальма, не оказалось ни одного лица, которое съумѣло бы отпраздновать какую либо другую годовщину, кромѣ годовщины великаго изобрѣтателя карточной игры и которое могло бы устроить торжество въ честь кого либо кромѣ... туза пикъ. Собраніе рѣшило единогласно и согласно съ предложеніемъ комиссіи почтить память великаго поэта постановкою въ библиотекѣ „Кружка“ его бюста и просить Городскую Думу одну изъ Тифлискихъ улицъ назвать Пушкинской. Такое согласіе и единогласіе породило еще большія опасенія относительно того, что „чего то“ вовсе не будетъ. Но....

* * *

Протоколъ!!!... и на этотъ разъ не обманувшій ожиданій.

Громко и ясно прочитанъ былъ протоколъ, составленный наканунѣ 15-ю членами „Кружка“ и гласившій, что во первыхъ изъ конторы «Кружка» безслѣдно улетучились 50 пустыхъ бланковъ, на которыхъ члены «Кружка» пишутъ фамиліи лицъ, коихъ они желаютъ выбрать въ старшины и во вторыхъ, что при повѣркѣ листовъ, вынутыхъ изъ „избирательной урны“ оказалось, что 50 такихъ листовъ написаны однимъ почеркомъ и заключаютъ въ себѣ болѣе или менѣе тождественный списокъ фамилій. Само собою разумѣется, что сейчасъ же явилось подозрѣніе, что эти 50 списковъ-близнецовъ написаны однимъ лицомъ именно на тѣхъ 50 бланкахъ, которые улетучились изъ конторы. Кто то узналъ въ таинственномъ почеркѣ руку одного изъ дѣятелей «Кружка», который послѣ долгихъ крушеній въ прошломъ году попалъ въ старшины и всецѣло завладѣлъ дѣлами клуба. Одинъ изъ подписавшихся подъ протоколъ сообщилъ Общему Собранію, что дѣятель этотъ на предложенные ему вопросы самъ объяснилъ, что 8 избирательныхъ списковъ написаны имъ по довѣренности отъ другихъ членовъ и что онъ, дѣятель, считая свою дѣятельность примѣрной, нашелъ нужнымъ во всѣ эти листки записать самаго себя. Что же касается до пропажи избирательныхъ листовъ и до нахождения 50 листовъ, написанныхъ сходнымъ почеркомъ, то по этому поводу самоизбирающій дѣятель не пожелалъ дать Общему Собранію какихъ либо объясненій, считая унизительнымъ для себя оправдываться въ взводимыхъ на него столь „гнусныхъ инсинуаціяхъ“. Въ концѣ концовъ этотъ самоизбирающій старшина, получившій по спискамъ наибольшее число (не-

извѣстно только чьихъ, своихъ или чужихъ?) голосовъ оказался забаллотированнымъ и въ старшины не прошелъ...

А жаль... Отчего же не избрать того, кто такъ жаждетъ этого избранія?... Мы бы охотно избрали его, во избѣжаніе новыхъ недоразумѣній, на вѣчныя времена... Если существовалъ на землѣ вѣчный жидъ, то почему же не допустить въ „Кружкѣ“ существованія вѣчнаго старшины?... Во всякомъ случаѣ очень жаль, что г. А. И. Пальмъ уѣхалъ, а то бы онъ могъ написать еще одну пьесу подъ тѣмъ же заглавіемъ „Наши избиратели“.

Мы, съ своей стороны, всю эту темную исторію о пропащихъ бланкахъ, о таинственномъ почеркѣ ничѣмъ другимъ кромѣ спиритизма объяснить не можемъ.

ВЪ ГОРОДѢ.

„Здравствуй родная. Какъ можется кумушка?“

„Все еще плачешь никакъ?“

Въ деревнѣ. Некрасовъ.

„Здравствуйте милая Дарья Степановна, Что васъ давно не видать?“

Правда-ль, что сынъ вашъ вернулся изъ Питера?“

То то обрадовалъ мать!“

—Сынъ то вернулся, да только на радость-ли? Грусть мое сердце щемить!

Запилъ Володенька, запилъ безъ просыпу, И не хорошъ его видѣ!..

Часу пробить онъ не можетъ безъ чарочки... А вѣдь извѣженъ какъ былъ!—

Въ дѣствѣ желудокъ его безъ припарочки И огурца не варилъ.

Вѣдалъ онъ только одно развлеченіе:

Читывалъ книги со мной...

Запилъ Володенька, запилъ безъ просыпу...

Книгъ не привезъ ни одной!

Зналъ языки онъ латинскій и греческій.

Ахъ, да чего онъ не зналъ!

Помню какъ мнѣ онъ бывало рассказывалъ—

Кто и когда воевалъ.

Тысячъ двѣнадцать на это ученіе—

Если не больше—ушло.

Запилъ Володенька, запилъ безъ просыпу...

Прахомъ ученье пошло!

Знаю, что сынъ мой уменъ положительно,

Только безъ проку уменъ,

Такъ что для пользы своей и для счастья

Шагу не сдѣлаетъ онъ!..

Страха не зная въ душѣ предъ невзгодами,

Онъ передъ каждымъ робѣлъ!..

Запилъ Володенька, запилъ безъ просыпу,

И ужъ недѣлю не ѣлъ!

Ахъ, не кори меня, милая матушка—

Онъ говоритъ мнѣ—прошу,

Право „не выдумать казни мучительнѣй

Той, что я въ сердцѣ ношу“.

Вижу сама я,—что сыну тошнехонько,

Что ужъ не милъ ему свѣтъ!

Запилъ Володенька, запилъ безъ просыпу...

И виноватаго нѣтъ!!

СКАЗКА ПРО БЪЛАГО БЫЧКА

Кому не случалось читать Гоголевскій „Портретъ“ и въ немъ описаніе Петербургскаго толкучаго рынка. Теперь объ этомъ рынкѣ остались одни преданія; вѣчный шумъ и грязь толкучки истреблены вмѣстѣ съ нею пожаромъ и полиціею. Нашъ Тифлисъ еще не доведенъ до столичнаго совершенства и толкучка въ немъ имѣется; хотите видѣть ее и вамъ стоить отправиться въ любое воскресенье на Солдатскій базаръ. И чего, чего нѣтъ на нашей толкучкѣ: таинственные незнакомцы, изъ рукавовъ продающіе сомнительныя золотыя вещи, солдаты и солдатки, торгующіе старыми подошвами, салопницы, сбывающія всякую рухлядь съ покойницъ и букинисты, не тѣ вылизанные прикащики, которые въ Петербургѣ около Аничкова моста предлагаютъ вамъ за 25 руб. Бюхнера и Казанову съ ахтительными картинками, нѣтъ, это еще тѣ букинисты времени Гоголя наивные и неграмотные, которые скупаютъ и продаютъ книги на всѣхъ, не разбирая ихъ содержанія. У нихъ дѣйствительно можно еще натолкнуться на рѣдкую книгу и приобрести ее за безцѣнокъ. Недавно еще купилъ я у такого букиниста, изданную въ Венеціи карту, изображающую оба земныя полушарія, выкрашенная въ желтую краску съ армянскою надписью: „Арменія въ ея настоящихъ границахъ“. Абгаръ Іоаннисиани предлагалъ мнѣ полцарства за эту карту, но я уступилъ ему ее гораздо дешевле, промѣнявъ на болѣе правдоподобный атласъ Ильина, употребляемый въ гимназіяхъ.

Сегодня, шатаясь съ утра по нашей толкучкѣ, мнѣ бросилась въ глаза на прилавкѣ букиниста изорванная французская книженка безъ начала и конца. Книжка оказалась путешествіемъ извѣстнаго Жаколіо въ какую то страну, но въ какую именно никакъ не могъ я угадать изъ уцѣлѣвшихъ листовъ книги. Заинтересованный первою страницю, я поспѣшилъ заплатить требуемыя полъ-абазы (10 к.) и не будучи въ состояніи совладать съ своимъ нетерпѣніемъ, забрался во внутренность лавчонки, чтобы просмотрѣть любопытное путешествіе. Содержаніе книжки показалось мнѣ на столько интереснымъ, что я, не долго думая, послалъ чрезъ Бучкиевскій телеграфъ, устроенный посреди толкучки, вѣроятно для ея нуждъ, депешу въ Парижъ къ самому Жаколіо, прося его доставить мнѣ свѣдѣніе: какую именно страну описываетъ онъ въ своей книгѣ и выслать мнѣ полный ея экземпляръ. Черезъ часъ мнѣ былъ уже доставленъ отвѣтъ автора „странъ жемчуга и баядерокъ“: описанная имъ страна называется „страной чиновниковъ на особомъ положеніи“, выслать же мнѣ полный экземпляръ своей книги Жаколіо отказался, такъ какъ все изданіе уже разошлось.

ПѢВИЦА ВЪРУЩАЯ ГРУДЬЮ....

Неудовлетворенный вполне, но подъ впечатліемъ только что прочитаннаго, я не могу не подѣлиться съ читателями хотя тѣми не полными свѣдѣніями, которыя я почерпнулъ о чудной странѣ изъ обрывка книги, купленной на нашей толкучкѣ. Чтобы не терять времени пишу вамъ съ той же толкучки, пріютившись между грудой книгъ, битой посуды и стараго желѣза, утѣшаясь тѣмъ, что не мѣсто красить человѣка, а человѣкъ мѣсто. Есть на свѣтѣ страна, рассказываетъ Жаколіо, удивительная, заколдованная страна: всѣмъ взяла она, и красотой и богатствомъ, а ходитъ въ рубищѣ и своихъ родныхъ дѣтей прокормить не можетъ, такъ что живетъ и существуетъ на чужой счетъ. Ни историки, ни географы другой подобной страны не знаютъ; открыта была Америка, и найденныя въ ней богатства тотчасъ стали эксплуатироваться, питаетъ она своихъ дѣтей, да и чужихъ надѣляетъ своими произведениями; открыли Австралію и теперь тамъ высятся великолѣпные города и богатія фермы, жители живутъ не нахвалаясь, а наша заколдованная сказочная страна гораздо богаче и Америки и Австраліи, а все бѣднѣе и бѣднѣе становятся ея обитатели и

сама она Христа ради живетъ на счетъ другихъ. И вѣдь мало кто и знаетъ эту страну, да и свѣдѣнія о ней самыя различныя. За границей—какія то темныя представленія о князьяхъ, красавицахъ, поставляемыхъ въ гаремы, мазурничествѣ торговцевъ; у насъ—какія то высочайшія горы со страшными горами, несмѣтныя богатства, чудная природа, развеселое житье... это все соединяется съ понятіемъ о сказочной странѣ, которую народъ называетъ „погибельной“.

Даже тѣ, которые и бывали тамъ ничего не знаютъ и не помнятъ о ней. Все, что они по возвращеніи своемъ оттуда ни рассказываютъ—все врутъ; и чувствуютъ и сознаютъ, что врутъ, а иначе не могутъ,—таковъ имъ „предѣлъ положенъ“, такъ околдовала ихъ волшебная страна, у тѣхъ же, которые тамъ находятся отнимается даръ понятнаго разумнаго слова, забываютъ они и писать толково, такъ, чтобы ихъ могли понять другіе, внѣ страны живущіе....

Такъ замкнута заколдованная страна и не проникаетъ въ нея никакой сторонній духъ. Все въ той странѣ на особомъ положеніи, непонятномъ и необъяснимомъ никакой ломкой. Дважды два—ровно четыре, это ка-

жется вѣрно, а въ той странѣ особое положеніе заставляетъ писать дважды два—пять и никто тамъ не удивляется...

Тридцать шесть разныхъ управленій управляютъ страной. Правда, нѣсколько разъ возникали въ каждомъ изъ управленій вопросы о томъ не слѣдуетъ ли упразднить какое либо изъ прочихъ управленій. Но когда этотъ предметъ обсуждался сообща, то всѣ управленія оказывались крайне необходимыми; на примѣръ:

Статистическая часть крайне оказалась нужною для будущихъ вычисленій и измѣшеній о спокойствіи народа и о водвореніи вѣчной непробудной тишины.

Безъ цензуры не рѣшились обойтись въ виду болтливости туземцевъ и стремленія ихъ къ умствованіямъ, могущимъ нарушить тишину, а съ нею и ихъ собственное счастье и благоденствіе.

Отъ вѣдомства по изысканію древностей страны не могли отдѣлаться, такъ какъ все вѣдомство оказалось наполнено нѣмцами, глубоко пустившими корни, вырвать которые безъ криковъ на всю Европу, а слѣдовательно нарушенія тишины, не было никакой возможности.

Вѣдомство астрономическое, предсказывающее народу погоду, какъ весьма полезное и способствующее народу въ его хозяйствѣ, не могло быть упразднено, но въ немъ за то смѣнены всѣ чины, которые оказались, всѣ безъ исключенія, глухими, слѣплыми и разбитыми параличемъ, такъ что не только не могли наблюдать за атмосферическими явлениями и предсказывать погоду, но даже и о существующей узнавали единственно изъ мѣстныхъ газетъ.

Вѣдомство крестьянскихъ дѣлъ оказалось необходимымъ для разбора и улаживанія безъ нарушенія тишины постоянныхъ ссоръ, возникающихъ въ народѣ изъ за чужой земли, которую народъ долженъ обрабатывать для своего блага, чтобы не погрязнуть въ праздности.

Нужны суды, полиція для изловленія и наказанія нарушителей тишины изъ народа. Безъ вѣдомства, взыскивающаго подати и недоимки невозможно было и думать обойтись.

Вѣдомство распространенія въ народѣ разумнаго пьянства съ цѣлью увеличить производительность и доходность страны, общая гласная касса ссудъ, дающая возможность народу за малый процентъ зимой заложить плугъ, чтобы выкупить шубу, а лѣтомъ заложить шубу и рубаху, чтобы выкупить плугъ и лошаду, все это, ясно какъ божій день, нужно, крайне нужно.

Телеграфное, желѣзнодорожное вѣдомства необходимы для усиленія дѣятельности народа, а вѣдомство, контролирующее другія вѣдомства упразднить нельзя было, такъ какъ чиновники, блюды счастье народа, не забываютъ и свое, а для удержанія ихъ отъ увлеченій необходимы особые контролеры.

Вѣдомства: благотворительное, конно-заводское, изящныхъ искусствъ, покровительства животныхъ, народу принадлежащихъ, тюремное, караблекрушительное и разныя коммисіи все это вѣдомства, безъ которыхъ народъ бы развратился какъ во дни Ноевы и слѣдовательно необходимы для спасенія народа отъ всемірнаго потопа.

О прочихъ необходимыхъ управленіяхъ Жаколіо счелъ необходимымъ умолчать и мнѣ рекомендовалъ принять къ свѣдѣнію сію необходимость...

Долго перебирало главное начальство свое управленіе и наконецъ потребовало колонизацію. Выписали для пополненія народа нѣмцевъ, которыхъ въ ихъ фатерландѣ расплодилось слишкомъ много, но нѣмцы оказались народъ хитрый, завели свое собственное управленіе, притомъ они ни о какихъ налогахъ прямыхъ и косвенныхъ и повинностяхъ и слышать не захотѣли, равно не пожелали обратиться и домой. Начальство долго хмурилось на нихъ, не рѣшаясь на строгія мѣры и вовсе махнуло рукой, обходя нѣмецкія поселенія и не включая ихъ въ число народа. Выписывали и переселяли сосѣдей, но

тѣ, сколько ихъ ни было доставлено на пробу, всѣ перемерли поголовно, исключая членовъ разныхъ сектъ, признаваемыхъ вредными, отъ которыхъ начальство, какъ отъ ядовитыхъ гадовъ сторонилось и которые въ разныхъ трущобахъ, недоступныхъ администраціи, разжились. Но о нихъ, какъ живущихъ въ мѣстахъ недоступныхъ и при особо вредныхъ порядкахъ свѣдѣній весьма мало.

Китайскіе кули и африканскіе негры сами не поѣхали, услыхавъ стороной, что въ странѣ много чиновниковъ. Нѣсколько чеховъ и иныхъ славянъ, прельщенные описаніемъ природы и окладовъ содержанія съ добавочными, прибыли сюда, но тотчасъ же, вмѣсто того, чтобы пополнить собой народъ, пролѣзли въ учебное вѣдомство и увеличили и безъ того немалый составъ администраціи. Такимъ образомъ и переселеніе не помогло горю и кромѣ вреда ничего не принесло.

И остается все по прежнему одна тишина. Ужасается Жаколіо безвыходности положенія страны. Найдется ли, при такомъ положеніи страны, человѣкъ между самыми предприимчивыми, который бы согласился отдать этой странѣ свой умъ, свои силы и капиталы? спрашиваетъ съ отчаяніемъ въ голосъ Жаколіо, жадно косясь на богатства страны.

Да и богата же страна и производительна, но богатствами ея никто не пользуется, да и пользоваться не можетъ; какъ заколдованныя лежатъ они въ нѣдрахъ земли.

И нефти много, и серебра, и свинца, и желѣза, и мѣди, и марганца, и кабальда, и каменнаго угля, и сѣры, и хлѣба, и шелка, и вина, и фруктовъ и чего, чего... и видишь вѣдь все это, осязашь, такъ сказать, а попробуй-ка попользоваться, анъ и нѣтъ ничего, ушло какъ кладъ въ землю, не дается, да и баста.

— Да такой нефти, знаете ли, во всемъ свѣтѣ нѣтъ, говоритъ съ гордостью туземецъ.

Вывезутъ же эту самую нефть за предѣлы страны и оказывается дрянъ дрянью, вонючая, мутная, да дорогая.

— Наша то сѣра, слышали, богаче куда Сицилійской оказалась?

А пока еще никто ниодной сѣрной спички, выдѣланной изъ той сѣры, не видалъ.

Каменный уголь, желѣзо, шелкъ, вино— да вѣдь всего этого—бери не хочу, а смотришь уголь продается на золотники—по рублю золотникъ, шелкъ за границей не берутъ по негодности, а вино, вывезенное далѣе Бѣлаго духана—уксусъ уксусомъ.

Ну, скажутъ—народа мало, не ученый онъ, да и некогда ему разрабатывать свои богатства, чиновники капиталовъ не имѣютъ, но вѣдь и иностранцы совались, люди съ деньгами, сами мореплаватели пробовали, да все ничего не выходило и уходили они сами домой безъ денегъ и под-

жавши хвосты... и стала страна, лежащая между морями, заколдованной страной; спитъ она крѣпкимъ сномъ, какъ сказочная царевна. Явится ли сказочный богатырь разбудить ее? Во всякой сказкѣ дѣло безъ богатыря не обходится и ужъ во всякомъ случаѣ спящая царевна сама не проснется отъ заколдованнаго сна...

СОВРЕМЕННОМУ АХИЛЕСУ.

Хотя ты и могучъ, герой,
Но, злясь за правду-матку,
Фалангу не дави ногой,
А то укуситъ въ пятку.

ЧЕГО ЖЪ ЕЩЕ ЕМУ ЖЕЛАТЬ?

(Старыя погудки на новый ладъ).

1

Иванъ Ивановичъ, изъ лакеевъ,
Попавъ внезапно въ „господа“,
Забывъ свой темный родъ плееевъ
И сталъ онъ франтомъ;—хоть куда!
Пѣшкомъ онъ нынче ужъ не ходитъ,
Имѣя кровныхъ рысаковъ;
Любовницъ дорогихъ заводитъ,
По шеѣ лупитъ бѣдняковъ.
Хоть про него толкуютъ смѣло,
Что гдѣ то спаналъ миллионъ.
Ему до этого нѣтъ дѣла,
Спокоенъ, счастливъ, веселъ онъ...
Онъ прежде просто былъ „Иваномъ“,
Теперь почоть ему подстать...
Съ набитымъ деньгами карманомъ
Чего жъ еще ему желать?!

2

Потапъ Петровичъ лѣтъ десятокъ
Въ палатѣ должность занималъ,
Онъ слылъ за честнаго, и взятокъ
Ни отъ кого не принималъ.
Болваномъ всѣ его ругали
Всегда, и чуть-ли не въ глаза,
А злые даже прибавляли,
Что онъ не знаетъ ни аза.
Въ отставку выйдя, вдругъ имѣнье
Купилъ онъ; зажилъ какъ баронъ,
И всѣ перемѣнили мнѣнье:—
Для всѣхъ онъ сдѣбался уменъ.
Потапъ Петровича болваномъ
Вдругъ перестали всѣ ругать...
Съ набитымъ деньгами карманомъ,
Чего жъ еще ему желать?!

3

А вотъ еще—Трофимъ Ивановичъ.
Кассиромъ гдѣ то онъ служилъ.
Работалъ день, работалъ за ночь,
И все печалился, тужилъ:—
„Окладъ плохонегъ, а съ нуждою
„Не знаю какъ существовать,
„Того гляди пойдешь съ сумою!..
Но вотъ прошло годочковъ пять,
Онъ сталъ для всѣхъ неузнаваемъ,
Всѣ стали злобно говорить:—
„Откуда могъ онъ, мы вѣдь знаемъ,
„Такія деньги накопить!
„А между тѣмъ живетъ онъ паномъ,
Сталъ сладко пить, и ѣсть, и спать...
Съ набитымъ деньгами карманомъ,
Чего жъ еще ему желать?!

Атомъ.

— Comment allez-vous, mon prince?

— Chez madame Tolle.

ЗА ДОБЫЧЕЙ.

Въ Тифлисѣ случилось необыкновенное происшествіе!

Присяжная писательница нашего офицоза г-жа Вѣра Желиховская—которая хотя шапки не носитъ, но тѣмъ не менѣе имѣетъ „шапочныя знакомства“—схватила насморкъ! Она прямо заявляетъ объ этомъ. „Научите, говорить, ради Аллаха, какъ мнѣ быть? Въ какую сторону ни чихну,—отовсюду кричать „здравствуйте!“—Мы недоумѣваемъ что тутъ дурнаго? Неужели преступленіе пожелать „здоровья“ знаменитой дочери, еще болѣе знаменитой писательницы Зинаиды Р.? Живите на здоровье Вѣра Петровна!...

Когда я сообщилъ одному моему другу это извѣстіе, то онъ расхохотался.

— Экой, говорить, вы наивный человѣкъ! Нужно, говорить, понимать „чиханье“ въ индифферентномъ смыслѣ—прочтите весь фельетонъ! Прочелъ и дѣйствительно убѣдился, что я ошибался. Оказывается, что почтенная пи-

сательница, подъ словомъ „чиханье“ понимаетъ свои произведенія! Мнѣ ужасно понравилось это слово! Такъ вмѣсто словъ: г-жа Желиховская написала статью, нужно сказать: г-жа Желиховская чихнула фельетономъ, въ „Кавказѣ“! Не правда-ли прелестный терминъ?...

Къ сожалѣнію, оказывается, что и „восточные человѣки“ горазды на „чиханье“! Недавно в.сѣ читающій армянскій міръ былъ свидѣтелемъ мытья грязнаго бѣлья! На этотъ разъ роль прачки игралъ знаменитый словоизвергательный аппаратъ, именуемый Сенакеримомъ Арцруни! Монтеки и Капулетти оказались два однофамильца: Монтеки изображалъ присяжный повѣренный Сенакеримъ Арцруни, а Капулетти докторъ философіи Григорій Арцруни!... Какъ и полагаетъ истинный герой Шекспира споръ возгорѣлся изъ за „Гамлета“!

Но не думайте, читатель, что яблогомъ

раздора послужилъ «Гамлетъ—душа Адамьянъ» зажигающій сердца молодыхъ „гаятанокъ“ Нѣтъ! этому горю давно помогли! Почтенные родители сопровождаютъ теперь своихъ дочерей на гуляніи съ огнегасителемъ на спинѣ!... Нѣтъ, споръ возникъ изъ за настоящаго, не воплощеннаго, шекспировскаго Гамлета. Г. Сенакеримъ Арцруни оставилъ прежнее свое ремесло, заключавшееся въ выбиваніи зубовъ своихъ домохозяевъ и принялся за болѣе благородное, возвышающее душу занятіе... именно за переводъ «Гамлета»!.. Трагедія знаменитаго британскаго гения была передана на армянскій языкъ, съ признаками изнасилованія.. смысла!.. Публикѣ, какъ увѣряетъ самъ переводчикъ, переводъ этотъ понравился, ибо, говоритъ, Гамлету хлопали!... Если хлопали Гамлету, то при чемъ спрашивается тутъ Арцруни?.. Что у насъ всѣмъ «хлопаютъ» въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія... вѣдь встрѣчаютъ же съ аплодиссменами официантовъ, перемѣняющихъ стулья? Неужели изъ этого слѣдуетъ, что

реводъ г. Арцруни хорошъ? Разбирая переводъ С. Арцруни редакторъ «Мшака» Григорій Арцруни, замѣтилъ, что это не шекировский, а арцруниевскій «Гамлетъ»!

— Какъ Арцруниевскій! вскипѣлъ С. Арцруни, какъ вы смѣете меня оскорблять?... Развѣ я въ состояннн написать Гамлета?! Что жъ на меня клеветаете? Я дѣйствительно сопраюсь написать новую пьесу, но сюжетомъ беру не датскаго принца, а нѣкоего редактора. И начинаетъ излагать содержаніе пьесы. Не трудно догадаться, что «переводчикъ Гамлета» излагаетъ біографію редактора «Мшака»... но біографію редактора, такъ казать, въ халатѣ.

Онъ начинаетъ съ его рожденія... описываетъ какъ нянька его целенала и сколько азъ перемѣняла бѣлье... какъ онъ выросъ, какъ онъ учился, какъ влюбился... однимъ ловомъ всю подноготную редактора «Мшака»! аже не постыдился упомянуть объ его физическомъ недостаткѣ... именно о горбѣ!... мерзительно даже писать! Эхъ вы Сенакеримъ, Сенакеримъ!... Туда же, взялись за Текспира! Вамъ бы рахатъ-лукумъ продать, а не заниматься «Гамлетомъ».

Видали ли вы когда нибудь слѣдующую картину: игрокъ хочетъ передернуть карту, его ловятъ и заставляютъ сознаться, какъ Расплюева—„каюсь, говоритъ, передернулъ!“ Изъчто подобное случилось на этой недѣли съ азетой „Кавказъ.“ Съ тѣхъ поръ, какъ заѣдываніе редакціею перешло, вслѣдствіе бѣзни настоящаго редактора, къ г. за Кобякову, этотъ послѣдній желаетъ разыгрывать ль Расплюева, но Расплюева, такъ сказать, литического. Ну, что можетъ быть проще, къ записываніе преній въ думѣ? Нѣтъ иуть г. за редакторъ хочетъ придать свою лагонадежде-нскую подкладку, извращая чужія слова. Говоря объ увеселительныхъ заведеніяхъ Элимизовъ упомянулъ о „Кружкѣ“ и о Собраніи“. Но г. Кобяковъ, печатая объ гомѣ, пропустилъ слово „Собраніе“. Вы думаете, это онъ сдѣлалъ по наивности? Николько! „Кружокъ“ посѣщается чиновничествомъ, а „Собраніе“ купечествомъ!... Любуиесь, моль, люди русскіе, вотъ какъ васъ „городское самоуправленіе“ обижаетъ! Приравиваетъ вашъ клубъ къ „духанамъ“!

Городъ основалъ ремесленное училище!
—А! вы для туземнаго населенія основываете училище?.. Отчего ни одного русскаго нѣтъ?... драшиваетъ г. за Кобяковъ.

— Есть, даже очень много; возражаетъ ему мотритель училища *русскій!*

Г. Кобяковъ, не моргая глазомъ, печатаетъ проверженіе!...

Но, какъ прямой послѣдователь Дона Баиліо, онъ увѣренъ, что отъ клеветы, все-жъ что нибудь останется!..

Приводить ли еще примѣры?... Но доволь-

но. А знаете изъ за чего происходитъ вся эта вакханалія, надъ близкой могилой своего собрата?... За редактору хочется быть наслѣдникомъ редактора! Не туда попали г. Кобяковъ! Прошли тѣ времена, когда клевета считалась „благонадежностью“; спросите-ка объ этомъ вашего сотрудника Волконскаго. Въ нашъ вѣкъ такими благомерзостями, никого не удивите... вѣдь *третье* число уничтожено... Одинъ изъ его агентовъ, г. Баллинь теперь даже журналистомъ сталъ—ужъ лучше отправляйтесь къ нему держать корректуру. Не забывайте, что г. Воронову дали газету за то, что онъ считался „либераломъ по неволѣ“ и съ 1 №, выражаясь слогомъ, Щедрина „просилъ конституцію“!..

Quod licet Joves, non licet boves, г. за редакторъ.

КТО?

Онъ очень талантливъ, находчивъ и боекъ,
По части построекъ;
Беретъ онъ любезно съ своихъ контрагентовъ
Лишь двадцать процентовъ;
Собравъ капиталецъ, закроетъ онъ лавку
И выйдетъ въ отставку.

КОМУ?

Любилъ ты гласность и *печатъ* сначала...
Въ журналахъ бойко началъ ты писать,
Но, испугавшись клички либерала,
Ты предпочелъ молчанія *печатъ*.
Потомъ... измучившись опять въ сомнѣніяхъ,
Нашелъ ты, что опасно и молчать.
И нынѣ... на твоихъ произведеніяхъ
Красуется казенная *печатъ*.

АЛЬБОМЪ КУРЪЕЗОВЪ.

Насъ просятъ заявить, что приведенныя нами въ № 4 „Фаланги“ четыре строчки, отпущенныя на лентѣ вѣнка, поднесеннаго Г-жѣ Рафаэль-Махвицъ, должны быть замѣнены нижеслѣдующимъ стихотвореніемъ, которому мы охотно даемъ мѣсто подъ прежней рубрикой:

Любимецъ музъ, небесъ сынокъ,—
Амуръ, плѣвившись пѣсней Вани,
Изъ лавровъ сплелъ ему вѣнокъ,
Какъ знакъ души невольный дани.

Прими же, Ваня, Ты сей даръ,
Войди съ амуромъ въ тѣсны узы:
Вдохнетъ въ Твои онъ пѣсни жаръ
Вѣнки получишь ты отъ музъ.

ПРИМѢРЫ РАЗСЪЯННОСТИ.

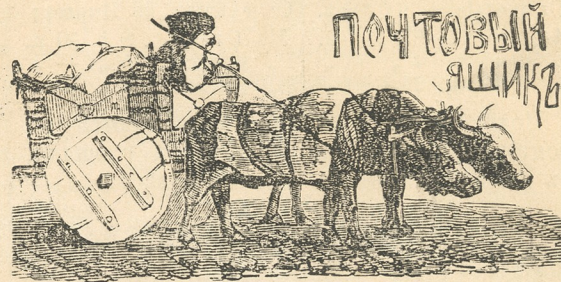
1

Одинъ кузнецъ вмѣсто того, чтобы сунуть въ огонь подкову, сунулъ свою собственную пятерню, раскаливъ ее до красна, выковалъ пальцы въ гвозди, подковалъ ею лошадь и только тогда замѣтилъ свой промахъ когда лошадь увелъ.

2

Одинъ господинъ такъ торопился убраться, что вмѣсто лошади, надѣлъ сѣдло на свою собственную спину и замѣтилъ ошибку только тогда, когда выбился изъ силъ отъ тщетныхъ усилій взобраться на сѣдло.

Н...ъ.

ГОРОДСКАЯ ПОЧТА.

Г-ну Оскару.

Вы знаете, что мы „печатаемся“ у г. Миллера, а красный цвѣтъ его больше пугаетъ, чѣмъ испанскихъ быковъ!.. Какъ увидѣлъ въ типографіи цѣлый листъ, написанный красными чернилами, такъ сейчасъ-же съ нимъ сдѣлался обморокъ.

И гдѣ вы покупаете такія огненные чернила? Сообщите. Мы хотимъ подарить эти чернила г-ну М. на новый годъ.

Г. Владиміру Дмитріевичу Коваленскому.

До насъ дошли слухи, что будто вы называете себя постояннымъ сотрудникомъ „Фаланги“. По этому мы съ своей стороны считаемъ нужнымъ довести до свѣдѣнія публики, что вы никогда имъ не были и впредь никогда не будете.

Сверчку. Вы надѣетесь „заслужить“ въ будущій разъ лучшими болѣе юмористическими писаніями“. По нашему мнѣнію заслуга ваша можетъ заключаться только въ одномъ... молчаніи.

ИНОГОРОДНАЯ ПОЧТА.

Гг. Корреспондентамъ (Гракали. Г... Хоня Ч.).

Фактовъ, господа, побольше фактовъ и поменьше литературной отдѣлки. Присылайте намъ голыя истины, а прикрыть ихъ фиговыми листками это уже наше дѣло.

Отъ Редакціи.

Мы считаемъ нужнымъ довести до свѣдѣнія нашихъ читателей, что гг. Симборскій и Горесмѣховъ въ предварительныхъ объявленіяхъ объ изданіи нашего журнала названные „принимающими непосредственное участіе въ трудахъ редакціи“, въ настоящее время такого участія не принимаютъ и работаютъ въ нашемъ журналѣ въ качествѣ постороннихъ сотрудниковъ на общемъ основаніи съ другими лицами, названными въ упомянутомъ объявленіи. Редакціонною-же частью завѣдуетъ исключительно самъ редакторъ-издатель.

Редакторъ-издатель ИВ. ПИТОВЕВЪ.

